

Е.В. Купчик (Тюмень)

Человек в зеркале метафорической модели (на материале поэзии А. Городницкого и Ю. Визбора)

Рассматривая образ человека в языке как «концентрированное воплощение сути тех представлений о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка», М.А. Одинцова приводит ряд характеристик человека, созданных на основе обобщения образной семантики слов, устойчивых и крылатых выражений, а также свободных высказываний о человеке: это «многоликость» человека, наличие у него разнообразных *альтер эго* его личности; вещественность, главенствующая роль в мире, «пространственность»; творческое начало, взаимоизоморфность с миром и др. [Одинцова 2000: 8–11]. Большинство данных характеристик отражает антропоцентрическое представление о человеке, содержит информацию о нем как о «глобальном» субъекте, своеобразной вселенной, демиурге, венце природы и т.д. Характеристики человека находят отражение в традиционных метафорических моделях «человек — мир», «человек — божество» и под.

Классиков авторской песни, жанра изначально личностного (и декларирующего эту «личностность» в противовес «массовости»), объединяет внимание к человеческой индивидуальности, проявляющееся, в частности, в многочисленных компаративных тропах, реализующих разнообразные метафорические модели (далее ММ).

В поэтических произведениях А. Городницкого [Городницкий 2000] и Ю. Визбора [1999] выявлено соответственно 264 и 168 реализаций ММ с субъектом «человек», что составляет значительный фрагмент метафорического пространства текстов каждого автора. Список

ММ (или парадигм образов), представляющий собой «свод законов образного мира» автора [Павлович1995: 468], включает как индивидуальное, так и общее. ММ человека, по-видимому, можно обнаружить в текстах едва ли не каждого создателя поэтических произведений; вместе с тем неизбежными представляются и те различия поэтических систем, которые находят отражения в конкретных реализациях ММ. В произведениях А. Городницкого наибольшим количеством реализаций представлены ММ «человек — существо» (главным образом «человек — человек»), «человек — пространство» (земное, водное, воздушное), «человек — растение», «человек — информация», «человек — транспорт»; в произведениях Ю. Визбора — «человек — существо» (главным образом «человек — человек»), «человек — транспорт», «человек — пространство», «человек — небесное тело».

ММ «человек — человек» реализуется в текстах А. Городницкого в компаративных тропах, имеющих в качестве объекта сопоставления обозначения людей по роду занятий, возрасту, национальности, социального положения и т. д. Сравнение человека с человеком основывается на сходстве значимых поступков, черт характера, особенностей мировосприятия, судеб в целом. Как субъекты, так и объекты сопоставления нередко обозначены собственными именами, что придает изображаемому как конкретность, так и известную обобщенность: антропонимы в тексте являются значимыми пространственно-временными ориентирами. Имена писателей и поэтов, художников и мореплавателей, литературных и мифологических персонажей в поэзии А. Городницкого способствуют созданию обширного культурного фона. Наиболее отчетливо выделяется «литературная» параллель — уподобление поэта или писателя его коллеге. Основанием сопоставления служат детали биографии, особенности образа жизни, поведения и т. д., например: «Славили вы бодро / Ваше житие. / Так, цепями звякая, перед гильотиной / Воспевал свободу / Андрей Шенье» («Поэты двадцатых»); «И Пушкин, возможно, состарившись, стал бы таким, / Как Тютчев и Вяземский, или приятель Языков» («Старый Пушкин»). В насыщенной «водными» образами поэзии Городницкого повторяются сопоставления, имеющие в объектной части обозначения человека, находящегося в тесном контакте с водой: вернувшийся на родину — «на берег воротившийся пловец» («Русский язык»), читатель стихов — «счастливый водолаз», погрузившийся в «океан поэзии беззвучной» («Анаграмма»), эмигрант — ныряльщик, бросившийся в холодную воду («Эмиграция») и т. д. Постоянно в творчестве Городницкого сопоставление героев с людьми других эпох и иных национальностей. Основанием для сопоставления является общее состояние или переживание, обычно связанное с созерцанием чего-либо, например: «В молчанье смотрим на дворцы, / Как скиф на храмы Херсонеса» («Петербург»). Для автора важны исторические аналогии, выявление связи настоящего, прошлого и будущего, повторяемость судеб и жизненных ситуа-

ций. Например, Петр I, изображенный скульптором Шемякиным лишенным царственного величия, уподобляется «блокадному ленинградцу», «бритоголовому зека» и являет собой «судьбы печальной горожан / Пророчество живое» («Памятник Петру I»).

Герой Ю. Визбора представлен, как правило, активно действующим субъектом, причем действующим как сам по себе, так и совместно с другими. Наряду с авторским Я употребляется МЫ, например: «Нам море пахать поперек изобат» («Тралфлот»). Герои Визбора заняты суровым трудом, связанным чаще всего с освоением земного, водного или воздушного пространства, что отражено в милитарных метафорах. Человеку предстоит «биться с плато Расвумчорр, / По дороге идя впереди тракторов» («На плато Расвумчорр...»); покоря горы, он намеревается одержать «победу над собой» («Песня альпинистов»); моряки Северного флота именуются «северовоиными страны» («Песня о североморцах»). Вместе с тем герой Визбора настроен на созидание, на помощь другим. Одной из наиболее привлекательных для него оказывается профессия врача, имеющего возможность спасать людей: «Под моею рукой чьи-то жизни лежат, / Я им новая мать, я их снова рожаю» («Я бы новую жизнь своровал бы, как вор...»).

В составе ММ «человек — существо» в текстах А. Городницкого выделяется группа сопоставлений человека с божествами. Субъектами сопоставлений являются люди, оказывающие влияние на судьбы (и души) других людей. «Положительным» божеством выглядит Слуцкий — «Громовержец и архистратиг, / Грозный ментор поэтов безухих» («Памяти Бориса Слуцкого»). Боги у Городницкого оказываются смертными, уходящими из реальной человеческой жизни: это, например, забытые советские писатели — «печальные боги минувшей поры исполинской» («Дом творчества») или Сталин — «темный бог, рыбой и невысокий» («Старые песни»).

Большинство реализаций ММ «человек — существо» в текстах Ю. Визбора содержит сопоставление человека с существом божественной природы, используемое автором при обращении к теме полета. Ангелам уподобляются летчики, космонавты, пассажиры самолетов. Именование высшего существа соседствует в контексте с разговорной лексикой — как, например, в «Теплом Стане»: «Я из Внукова ангелом взмою / В отдаленные очень края, / Я еще от предчувствия взвою, / Поседею еще от вранья». Если у А. Городницкого божествам уподоблены выдающиеся, знаменитые люди, то у Ю. Визбора — «обычные» строители, спортсмены, летчики: «Ты пойми, что такое КамАЗ: / Это парни — не парни, а боги!» («Песня-репортаж о строителях КамАЗа»); «И дуй в нашу секцию — племя богов» («Водные лыжи»); «И команду такую: «Винты на упор!» / Отдавал бы, как бог, домодедовской ночью» («Я бы новую жизнь своровал бы, как вор...»). В «О, посмотри, какие облака...» поэт прибегает к традиционному сопоставлению девушки с ангелом, причем

возвышенность соответствующего образа несколько условна: «...ты стоишь, похожа на зверька / И на смешного ангела похожа».

Сопоставление человека с животным у А. Горюхиного встречается чаще всего при характеристике человека как злобного, хищного, жестокого существа. В стихотворениях «Не берусь отнимать у жестоких властителей славу...», «Опять погромы и костры из книг...», «Инородец» и др. поэт выдвигает мысль о неизменности «звериной натуры» людей. Черты хищника автор подчеркивает у тех, кто ненавидит людей, чем-либо отличающихся от них. Если «инородцы» оказываются людьми, то их гонители — зверями, готовыми пустить в ход зубы: «Когда ревнитель чистых генов / Зубами рвет тебя, как зверь...» («Инородец»); «Я вижу толп оскал крысиный, / И нестерпимо пахнет псиной / Над первобытной землей» («Покуда солнце длит свой бег...»). Утратившие антропоморфность персонажи «Песни серых гномов» с их самохарактеристикой «Словно волки, мы зубасты» не просто хищные существа, но и нечистая сила: «Если ты не пахнешь серой — / Это значит, ты не наш». Иную интерпретацию получает образ раненного или загнанного животного. Армия, прошедшая Чечню, «куда страшной подраненного зверя» («Не удержать клешню пятипалой...»); достоин сострадания умирающий Ленин, который «со всех сторон, как зверь, обложен» («Горки»). В отдельных случаях основанием для сопоставления человека с животным служат особенности внешнего облика, поведения (уподобление изящных женщин кошкам, бегущей толпы — лошадям и др.). В «Петровской галерее» посредством подобной характеристики дается представление не только о внешности, но и в какой-то мере о «внутренних» свойствах человека, жившего в эпоху петровских реформ: «Художник Аргунов — портрет вельможи — / Медвежья шерсть торчит под париком».

В поэзии Ю. Визбора сопоставление человека с животным встречается, как правило, в описаниях бытовых ситуаций, в разговорных диалогах. Подобные сопоставления носят оценочный характер, передавая негативное отношение говорящего к субъекту сопоставления, например: «К ней женихи бегут отарой» («Зеленое перо»); «Но не спеши бежать к венцу — / Пускай скотина ходит вокруг избы» («Нинон»); «Ну а мой любимый зверь — / Он лежит, конечно, пьяный» («Рассказ женщины»); «Я говорю: “Обычная, / И рост не с бугая, / Такая симпатичная. / Не думал, что змея”» («Печальная баллада о несчастном укушенном»). Традиционное сопоставление (точнее, отождествление) коварной женщины со змеей, являющееся ключевым в «Печальной балладе...», оказывается объектом размышления для ищущего врачебной помощи героя, душа которого оказалась «местом укушения».

Особое место в реализациях ММ «человек — животное» занимает сопоставление человека с медведем. Лесной зверь, предстающий у Визбора печальным, уставшим, страдающим, отражает состояние души героя-автора — как влюбленного («Прогулка») и как поэта («Песня о

поэтах»): «Чтоб я, измученный медведь, / Давно лишившийся покоя, / В тебе увидел бы такое, / Что в свете дня не разглядеть»; «Видно, поэтам кто-то накаркал: / Жить — не дожив, идти — не дойдя, / Плакать медведем из зоопарка / По перелескам в серых дождях».

В основе сопоставления человека с птицей в текстах А. Городницкого лежат такие признаки, как внешнее сходство, переживание определенных состояний, особенности судьбы. Птица, с которой сравнивается человек, может быть усталой, нездоровой, печальной: например, Бродский за неделю до смерти «сбоку похож на присевшую птицу» («Прикоснись к пожелтевшему черновику...»), Гоголь «сутулится, душою искалечен, / Больною птицей прячась под крылом» («Два Гоголя»). Такой птице близок и сам герой-автор с его в целом пессимистичным мироощущением: он чувствует себя «незадачливым гадким утенком», «предназначенным для счастья, словно страус для полета» и т.д. Погибшим или вымершим птицам уподобляются представители белой эмиграции, похороненные вдали от родины: «На кладбище Сен-Женевьев де Буа, / Исчезнув с планеты, как птица моя, / Лежит лебединая стая...» («На кладбище Сен-Женевьев де Буа»). Птицей-жертвой предстает в «Ярмарке слова» создатель произведения: «...устроены всегда / Авторы непрочно. / Словно в уток вертела, / Загоняют кол в них...» В «Памяти Юрия Визбора» уподоблением человека птице передана важная для поэта мысль о судьбе уходящего поколения бардов: «Нас не вспомнят в избранном, мы писали плохо, / Нет печальней участи первых петухов. / Вместе с Юрой Визбором кончилась эпоха, / Время нашей юности, песен и стихов».

Героям Визбора — альпинистам, летчикам, космонавтам — близок образ птицы, «поскольку человеку, как и птице, / Дана такая радость — высота» («Третий полюс»). ММ «человек — птица» реализуется при обращении автора к темам покорения высот, а также любви. Если космонавты — «соколики с небес» («Экипажу Рюмин — Попов»), то влюбленные — пара журавлей или лебедей. Освежение традиционной образной параллели происходит за счет дополнения сопоставлением с иным объектом («Словно два журавля / По веселому морю, / Словно два косаря / По вечернему полю, / Мы по лету прошли — / Только губы горели» («Песня об осени») или приписывания птицам совершения не характерных для них действий, мыслей, эмоций («И будто пара лебедей, / Друг друга полюбивших, / Простим простивших нас людей, / Простим и не простивших» («Огонь в ночи»)).

ММ «человек — транспорт» в поэзии А. Городницкого реализуется главным образом в осмыслении человека как судна — в первую очередь в «морских» стихах при упоминании людей, жизнь которых связана с морем. Такой человек, находящийся в своеобразном родстве с кораблем, подобен ему по разным признакам, например: «Тяжелы мы, как наши суда, / И, как наши суда, мы надежны» («Моряки

ледокольного флота»); «Полон горючим, как танкер, стармех» («Утки летят с Итурупа»). Образы человека-судна появляются у Городницкого при обращении к темам любви, судьбы, Бога: люди боятся собственных желаний, «от штормов за остров прячась, словно корабли» («Тихий океан»); понимают опасность «подставиться прошлому бортом» («Приглашение к плаванию»); узнав о рождении Христа, «идут, как шхуны, / На Вифлеемскую звезду» («Времена года»).

В текстах Ю. Визбора ММ «человек — транспорт» также представлена прежде всего в сопоставлениях человека с судном — как правило, с уточнением типа корабля, что способствует формированию у читателя определенного представления о человеке, например: «Я несусь, как чайный клипер, / Ну не клипер, так баркас. / На борту пылают битвы, / Разногласья до крови... / Паруса мои пробиты / Бомбардиршами любви» («Бригитта»); «Простеганные ветрами / И сбоку, и в упор, / Приятели из памяти встают: / Разбойными корветами, / Вернувшимися в порт, / Покуривают трубочки: — Салют!» («Так вот мое начало...»). В качестве объекта сопоставления повторяется «ледокол», которому уподобляется влюбленный, готовый преодолеть все преграды на пути к любимой («Азиатская песня»), или первый космонавт, ведущий за собой последователей: «Он их вел за своею кормою, / Хоть и маленький, но ледокол» («В кабинете Гагарина тихо...»). Значимой деталью человека-судна является якорь. В песне «Якоря не бросать» — мы давно знаем старую заповедь...» приспособления для удержания судна на месте упоминается в связи с прекращением активной жизни человека (что представлено как переход моряка к оседлому существованию в «никуда не плывущих каютах») — и с ее продолжением: «Мы не бросим и осень, не бросим и топких, и снежных, / Голубых, нескончаемых, вечно любимых дорог. / На чугунных цепях опустили мы наши надежды / У глухих континентов еще не открытых тревог».

Реализации ММ человека в текстах двух классиков авторской песни дают читателю представление как об общих, так и об отличительных чертах образов героев А. Городницкого и Ю. Визбора. Поэзию Городницкого отличает разнообразие персонажей, причем для автора значима оппозиция «свои — чужие»; Ю. Визбор говорит главным образом о «своих». Отраженный в зеркале образных соответствий герой Городницкого зачастую предстает «уменьшенным»; например, сам герой-автор характеризуется как *слепец, раб, тать, первоклассник, плебей, Иван, не помнящий родства, обезьянка, песчинка, лист* и т.д. Для Ю. Визбора не характерно преуменьшение значимости человека. Его герои сильны, энергичны, им свойственно чувство ответственности за себя и других, упорство в преодолении препятствий. Человек в текстах Визбора может ощутить в себе «миллионы нечеловеческих сил» («Чад, перегар бензиновый»), быть «хозяином синих горизонтов» («Ракетный часовой»), «диспетчером истории» («Так вот мое начало»).

Литература

1. Визбор Ю.И. Сочинения. В 2-х т. Т. 1: Стихотворения и песни. М., 1999
2. Городницкий А.М. Сочинения. М., 2000.
3. Одинцова М.П. К теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира. Лингвокультурологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. / под ред. М.П. Одинцовой. Омск, 2000.
4. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.